

живает поклонения, ибо является вождем небесной рати. В 1814 году Байрон использовал этот образ в «Оде Наполеону Бонапарту»:

Со времени того, кто был неверно назван
«Утренней звездой» («The Morning Star»),
Ни человек, ни злой дух не падал столь далеко.

Отождествление Люцифера с утренней звездой стало фактом поэтического и даже обиходного языка. Через полтора десятилетия Дельвиг шутя напишет издателю альманаха «Денница» М. А. Максимовичу, что он приветствует выход книжки и желает обнять «самого Люцифера»².

В 1813 году³ Державин прямо применил этот образ к Наполеону:

Надменный запада Денница...

На победу при Лейпциге

Устанавливалась, таким образом, ассоциативная связь между мистико-историсофской концепцией Наполеона и художественным образом, прикрепившимся к его имени. Концепцию Пушкин отверг, — но образ прекрасного и могучего ангела-соблазителя, отмеченного inferнальным началом и получившего уже художественное воплощение как носитель безграничного властолюбия и индивидуализма, — так он предстал в «Каине» Байрона, — этот образ бросил свои рефлексии на стилистическую формулу. «Тень зари» в пушкинских стихах о Наполеоне не имеет историсофского значения, — но сохраняет память о своем происхождении.

Впервые в сокращ.: Русская речь. 1987. № 6.

¹ Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 25.

² Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 341.

³ Сын отечества. 1813. № 46.

Пророчество Андрея Шенье

В знаменитой элегии Пушкина «Андрей Шенье» предсмертный монолог поэта в темнице оканчивается пророчеством, обращенным к Робеспьеру:

Падешь, тиран! Негодование
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду.. пора... но ты иди за мною;
Я жду тебя.

Это то самое место элегии, которое сразу же пришло Пушкину на память, когда умер Александр I, — в ноябре 1825 года, через несколько месяцев после создания стихотворения, — и поэт написал П. А. Плетневу (4—6 декабря 1825 г.): «Душа! я пророк, ей Богу, пророк! Я Андрея Ш.<енье> велю напечатать церковными буквами во имя от.<ца> и сы<на> etc.»¹. Но в самой элегии это было пророчество задним числом. Казнь Шенье совершилась 25 июля 1794 года, за два дня до падения якобинцев; Пушкин ввел этот мотив в элегию («Постой, постой; день только, день один: И казней нет, и всем свобода...») и сделал специальное примечание: «Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера». Пушкин привел в примечаниях и подлинные последние слова Шенье: «На месте казни он ударил себя в голову и сказал: «Pourtant j'avais quelque chose là»². («все-таки у меня кое-что там было»). Это предание, приведенное в биографическом очерке А. де Латуша, предпосланном изданию Шенье 1819 года, было широко известно: его пересказывал и П. А. Вяземский во фрагменте стихотворения «Библиотека», посвященном Шенье. Любопытно, что через десять лет М. Ю. Лермонтов в поэме «Сашка» будет сожалеть именно о том, что перед смертью Шенье даже словом не отомстил своим гонителям:

...творческую грудь

Не стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил — и ты погиб бесплодно...³

«Пророчество Шенье» не опиралось, таким образом, на реальные факты биографии французского поэта и принадлежит полностью творческому воображению Пушкина. Однако оно имеет свою литературную генеалогию, может быть, даже не осознанную Пушкиным.

В романтической литературе тема французской революции 1789 года постепенно связывалась с появлением образов визионеров, прорицателей, иногда таинственных, несущих на себе печать принадлежности к некоему иному миру. Характерно, в частности, оживление легенды Лагарпа о «пророчестве Казота», якобы за

шесть лет до революции на вечере в аристократическом обществе предсказавшего присутствовавшим (в том числе и себе самому) трагическую судьбу. Фигуры Агасфера, Калиостро, Сен-Жермена почти неизбежно присутствуют в русских новеллах и повестях о событиях 1789 года: в «Последнем Колонне» В. К. Кюхельбекера, повести «Кто он?» Н. А. Мельгунова, «Густаве Гацфельде» В. А. Ушакова, «Искусители» М. Н. Загоскина. Сен-Жермен в «Пиковой даме» Пушкина имеет то же происхождение. Эта своеобразная традиция могла не становиться концептуальным моментом сюжетного построения и присутствовать как реликт, — так, как это происходит в «Андрее Шенье».

Особенность этого мотива в пушкинской элегии в том, что жертва произвола предсказывает «тирану» гибель, таинственно связанную с ее собственной гибелью. Шенье как бы увлекает за собой Робеспьера, чтобы в урочный срок предстать с ним перед вышним судом:

...иди за мною;
Я жду тебя.

Эта ситуация была хорошо известна Пушкину: она была закреплена легендой о Жаке Моле, великом магистре ордена тамплиеров, сожженном на костре в 1314 году и перед смертью предсказавшем смерть своим палачам — папе и королю.

* * *

В начале XIX века «предсказание Моле» попало в поле зрения широкого круга литераторов. В 1805 году на французской сцене появляются «Тамплиеры» — трагедия Франсуа Жюста Мари Ренуара (Raynouard, 1761—1836), драматурга и историка, некогда жирондиста, прошедшего тюрьму Конвента и освобожденного термидорианским переворотом. Трагедия пользовалась шумным успехом; в ней искали — и находили — современное политическое содержание. Она ставила проблему беззакония власти, опирающегося на теорию государственного интереса, — проблему, особенно интересовавшую Пушкина в период работы над «Борисом Годуновым» и изучения «Анналов» Тацита. В литературном же отношении «Тамплиеры» считались образцом исторической трагедии. Их высоко оценивал, между прочим, Мари Жозеф Шенье, брат казненного поэта, и г-жа де Сталь, обращавшая внимание в особенности на по-

следнюю сцену с рассказом о казни тамплиеров⁴. В этом рассказе и появляется пророчество Моле; оно произнесено в последнем монологе великого магистра, уже стоявшего на костре:

L'arrêt qui nous condamne est un arrêt injuste;
Mais il est dans le ciel un tribunal auguste
Que le faible opprimé jamais implore en vain,
Et j'ose t'y citer, ô pontife romain!
Encor quarante jours!.. je t'y vois comparaître.

(Приговор, осудивший нас, несправедлив;
Но на небесах есть высший суд,
К которому никогда слабый угнетенный не взывает напрасно,
И я осмеливаюсь звать тебя к нему, о римский первосвященник!
Еще сорок дней!.. и я увижу, как ты перед ним появишься.)

Фразеологически все это довольно далеко от пушкинского текста. Гораздо ближе к нему следующая часть монолога, где Моле обращается к королю. Именно здесь появляется несущая у Пушкина особую семантическую нагрузку формула «Я жду тебя». Заметим, что этот фрагмент — центральный в сцене; он подготовлен описанием смятения народа, услышавшего пророчество:

Chacun en frémissant écoutait le grand-maître,
Mais quel étonnement, quel trouble, quel effroi!
Quand il dit: «O Philippe, ô mon maître, ô mon roi!
Je te pardonne en vain, ta vie est condamnée;
Au tribunal de Dieu je t'attends dans l'année».

(Все трепеща слушали великого магистра,
Но какво было изумление, волнение, ужас,
Когда он сказал: «О Филипп, о мой господин, мой король!
Тщетно я прощаю тебя, твоя жизнь осуждена;
Через год я жду тебя к трибуналу Бога.)

Стоит подчеркнуть, что последние слова Моле — не проклятие, а именно пророчество, внушенное свыше: сам он простил короля.

К этому месту трагедии Ренуар сделал обширное историческое примечание, где приводил выдержки из латинских сочинений бельгийского гуманиста Юста Липсия (1547—1606), немецкого иезуита Иеремии Дрекслиуса (1581—1638) и других. Оно весьма интересно, так как содержит указания на источники легенды, и мы приведем его целиком:

«Историки удержали народное предание, что великий магистр вызвал на суд Всевышнего папу через сорок дней, а короля через год. Может быть, факт смерти па-

пы и короля, которая последовала вскоре за казнью великого магистра, стал причиной распространившихся в народе слухов, которые затем были усвоены даже знаменитыми писателями, среди которых я могу процитировать Юста Липсия, изъяснившегося следующим образом: «В высшей степени достоверно то, что произошло с папой Клементом V, который на суде в Вьенне приговорил тамплиеров — сообщество, преданное религии и долгое время благое и полезное, и сторонников их без разбора казнил огнем и железом; будучи же многими из них вызван к высшему суду, через малое после того время скончался, словно бы вызванный к явке в назначенный срок верховным судьей. В то же время (что еще удивительнее) и по тому же случаю умер Филипп, король Франции, по чьему соизволению означенный приговор был произнесен, а имущество в его пользу конфисковано; если случайность — удивляемся, если Божья воля — благоговеем».

В «Достопамятных событиях...» читаем, что некий неаполитанский тамплиер, сожженный в Бордо, так призвал папу и короля на суд Бога:

«Жесточайший тиран Клемент, после того, как мне более некому среди смертных жаловаться на то, что ты несправедливо осудил меня на тяжкую смерть, взываю к нелицеприятному Христову суду, который избавил меня; к его трибуналу зову тебя вместе с королем Филиппом, чтобы вы предстали перед ним оба через год и один день; там открою я свои побуждения и состоится суд правый», — и спустя некоторое время Клемент и король умерли».

Иезуит Дрекселиус восклицает по этому поводу: «*Quis neget geniale aliquid et divinum hic intervenisse supremo, numine consciscente?*» (L. II, de Tribun. Christ. C. 3). («Кто бы стал отрицать, что в этом есть нечто вдохновенное свыше и божественное, происшедшее по соизволению Всевышнего?».)

Эти народные слухи, воспринятые историками, показывают, что общее мнение отнюдь не одобряло осуждения тамплиеров»⁵.

Легенда о пророчестве Моле имела своеобразную судьбу. Она стала одной из составных частей историософских построений, связанных с событиями французской революции. Сочувственный интерес к драме ордена тамплиеров пробудился еще в XVIII веке; позднейшая историософия стала искать мистические связи меж-

ду гибелью тамплиеров и французской монархии; замечали, что Бастилия стояла на месте тюрьмы Моле, а уничтоженная статуя Генриха IV — на месте его казни. Эти связи устанавливались уже в сочинениях предреволюционных лет, например, в «Гробнице Жака Моле» (1796, 2-е изд. 1797) Ш.-Л. Каде де Гассинкура (1769—1821), известного химика, фармацевта и литератора; здесь говорилось и о пророчестве Моле: «Взойдя на костер, Моле предсказал день и час, когда погибнут король и папа; Боссюэ и Гюг де Пайенн соглашались в том, что предсказание сбылось»⁶. В русской литературе брошюра Каде де Гассинкура была воскрешена в период революции 1905 года; на нее опирался Максимилиан Волошин, создавая свой этюд «Пророки и мстители (Предвестия великой революции)», вошедший затем в его «Лики творчества»⁷.

Мы не знаем, что из этой литературы попало в поле зрения Пушкина к 1825 году. Нам известно, однако, что в его так называемом «Письме к издателю «Московского вестника»» (1828) упомянуты как новейшие, так и более ранние постановки наиболее заметных французских трагедий на исторические темы, которые поэт читал на протяжении 1820-х годов, — трагедии Жуи, Пиша, Арно⁸. «Тамплиеров» он не назвал; между тем возобновленная на французской сцене трагедия Ренуара продолжала привлекать внимание публики и в 1820-е годы. В марте 1824 года литератор круга П. А. Катенина Н. И. Бахтин, находившийся в это время в Париже, с похвалой пишет о ней Катенину; адресат же его, высланный в это время из Петербурга в свое имение Шаево за политическую и театральную фронду, отвечает ему интереснейшим письмом, из которого следует, что трагедия ему давно и хорошо известна⁹. Отзыв Катенина тем более важен, что Пушкин близко общался с ним на протяжении 1817—1820 годов, в период своего острого увлечения театром. К «Тамплиерам» Катенин относился сдержанно, и претензии его почти дословно совпадают с теми, которые адресует французским трагикам Пушкин в «Письме к издателю „Московского вестника“». Он видит в ней не трагедию собственно, а «разговоры о политике», где «истории тени нет», как нет и психологической правды; впрочем, он находит в ней и «бесподобные» стихи. Может быть, на этот раз неутомимый спорщик победил свою непреоборимую страсть к противоречию и согласился с мнением г-жи де

Сталь, ценившей, как мы помним, в особенности концовку. «В этой благородной трагедии, — писала она, — находится одно из самых возвышенных выражений, какие только можно слышать со сцены. В последнем действии рассказывается, как тамплиеры на костре пели псалмы; к ним послан гонец, чтобы объявить им милость, которую король решил им даровать, — "но было уже поздно: песнопения смолкли"»¹⁰. Именно это место трагедии и привлекло русских литераторов. Вероятно, его имел в виду Денис Давыдов, когда писал о себе, что в пылу великих сражений он «пел <...> как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем»¹¹.

В начале 1820-х годов появляется и русский перевод этой сцены — Орест Сомов, вернувшийся из Парижа, печатает в журнале «Благонамеренный» отрывок «Смерть рыцарей Храма» с примечанием: «Из трагедии Ренуара «Les Templiers», действ. <ие> V, явл. <ение> посл<еднее>»:

Является Магистр: он всех их упреждает,
Чело его лучом спокойствия сияет;
Надежды полный взор возводит к небесам,
Он молится Творцу... и мнилось видеть нам,
Что он судьбы из уст Предвечного внимает.
Вдруг страшным голосом он зрителям вещает:

«Неправедным судом нам казнь дана сия...
Но там, на небесах, есть вышний Судия,
К которому вотще невинный не взывает.
Он все деяния, все мысли наши знает.
Тебя, о Климент, жду пред Судию сего:
Чрез сорок дней — и ты предстанешь пред Него!»
Все с ужасом слова Магистровы внимали;
Но как вам изъяснить, что все мы ощущали,
Как описать вам страх, который всех объял,
Когда болезненным он голосом сказал:
«О царь мой! о Филипп! вотще тебя прощаю;
Ты осужден!.. тебя чрез год я ожидаю...»¹².

Именно эта ситуация, как нам представляется, определила круг побочных ассоциаций, наложившихся на биографию Андрея Шенье. В словах «иди за мною», «я жду тебя» позволительно заподозрить прямую фразеологическую перекличку. Текст Пушкина даже ближе к переводу Сомова, чем к подлиннику Ренуара: у Сомова повторяются синонимические глаголы «жду», «ожидая». Строки пушкинской элегии «Постой, постой; день только, день один», — драматизирующий мотив «опоздавшего освобождения» — как бы рецепирует один из центральных мотивов последней сцены «Тамплиеров»: весть

милосердия приходит поздно: «песнопения смолкли». Наконец, трактат г-жи де Сталь, очень внимательно прочитанный Пушкиным, прямо подсказывал аналогию между казнью Моле и якобинским террором: упрекая Ренуара в неправдоподобии сценического времени (осуждение и казнь тамплиеров, в соответствии с классическим законом единства времени, происходит в один день), г-жа де Сталь пишет: «Революционные суды осуществлялись быстро, — но при всем их свирепом желании, не столь стремительно, как во французской трагедии»¹³. Проблема соотношения сценического и реального времени была одной из центральных для Пушкина в период работы над «Борисом Годуновым», и если он обратил внимание на это рассуждение, то, конечно же, не из-за содержавшейся в нем необязательной аналогии, — однако сейчас нас интересуют не столько центральные, отрефлектированные им эстетические вопросы, сколько то, что нечувствительно откладывалось на периферии его художественного сознания.

Впервые: The Puškin Journal, 1, N. 1 (1993).

¹ Пушкин. Т. 13. С. 249.

² Там же. Т. 2. С. 403.

³ См. свод этих материалов: Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 566—567, 574.

⁴ Анализ трагедии см.: Реизов Б. Г. Между классицизмом и романтизмом: Спор о драме в период первой Империи. Л., 1962. С. 32—39.

⁵ Les Templiers, tragédie, par M. Raynouard... Paris, an XIII (1805). P. 97—98.

⁶ Cadet de Gassicourt Ch. Le Tombeau de Jacques Molai... Paris, 1796. P. 7.

⁷ См.: Волошин М. А. Лики творчества. М., 1988. С. 189—208.

⁸ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 70—71.

⁹ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века. СПб., 1911. С. 61—62.

¹⁰ M-me de Staël. De l'Allemagne. Nouvelle éd. Paris, 1879. P. 197.

¹¹ Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 130.

¹² Благонамеренный. 1821. № 14. С. 73—74.

¹³ M-me de Staël. De l'Allemagne. P. 196.

Послание Пушкина к Филимонову

Стихотворение, о котором пойдет далее речь, не принадлежит к числу значительных и известных; равным образом и адресат его — поэт Владимир Сергеевич Филимонов (1787—1858) не является звездой первой